Константин Дмитриевич Ушинский

К двухсотлетию Константина Дмитриевича Ушинского в Интернете появилось множество материалов о нём, но если сделать запрос в поисковике о его детстве, получим растиражированный ответ: учился в Новгород-Северской гимназии, был примерным учеником.

И сразу становится очень скучно. А напрасно.

Детство Кости Ушинского было удивительно счастливым. В имении отца, небогатого украинского помещика, жилось мальчику вольготно. Ни нудных поучений, ни напрасных взысканий, ни, тем более, телесных наказаний он не знал. Обстановка в семье была настолько доброжелательной, что Ушинский до конца жизни сохранил идиллическое представление о семье, о родителях, о матери, как главной воспитательнице и первой учительнице ребёнка.

Примером для него была матушка, Любовь Степановна. Она, видимо, обладала незаурядным педагогическим даром, потому что после домашней подготовки мальчик был принят сразу в третий класс гимназии.

Имение Ушинских примыкало к городской черте, отделённой от него глубоким оврагом. Гимназия находилась на другом конце города. До неё было верных восемь вёрст. И вот представляете, маленький мальчик ежедневно это расстояние преодолевал. Он был действительно счастливым ребёнком, потому что утром с удовольствием бежал в гимназию, а вечером с не меньшим удовольствием бежал домой.

Косте нравился этот путь. Время, которое мальчик тратил на дорогу, было временем самых разных размышлений. Видимо, бежать и думать было здорово. Однажды за шалости Костю оставили в гимназии на ночь. Под утро он сбежал только для того, чтобы, добежав до дома, вернуться в гимназию к началу уроков.

Все мы помним книжки о дореволюционных гимназиях с их строгими ограничениями и запретами для учащихся, жёстким надзором за ними, о записях в журналах-кондуитах («Кондуит и Швамбрания» Льва Кассиля), о казарменной дисциплине в интернатах («Кадеты» Александра Куприна). Ничего такого в Новгород-Северской гимназии не было. Детей привозили со всех концов Новогород-Северского уезда Черниговской губернии. Гимназисты, а их было около четырёхсот человек, жили, где хотели, в свободное время были предоставлены сами себе, однако, по словам самого Ушинского, приволье и свобода Новгод-Северской гимназии была скорее благом, чем недостатком.

Он не помнил, чтобы школьники совершали чем-либо позорное, бесчестное или преступное за время его учёбы в гимназии. Это объяснялось, с одной стороны, традициями в самой среде учащихся, с другой стороны, детей контролировали сами горожане, те, в семьях которых жили школьники. И они были неплохими «дозорцами» за их нравственностью. Пренебрегая шалостями, они умели сдержать мальчишек, если шалости грозили принять дурной оборот.

Так что вольница Новгород-Северска способствовала исправлению нравов в гораздо большей степени, чем казённые заведения того времени, где, как говорил Ушинский, «пороки [среди детей] принимают характер повальных болезней, тщательно скрываемых, но не исправляемых начальством».

Надо сказать, что в гимназию принимали детей в возрасте 11 лет, а в третьем классе учились мальчики лет тринадцати, а если учесть, что второгодников было не мало, то среди них попадались и пятнадцатилетние здоровенные хлопцы. Понятное дело, без шалостей не обходилось.

Рядом с гимназией был монастырский сад. Частенько он опустошался гимназистами. Каждое поколение школяров считало своим долгом совершить этот подвиг - похитить яблоки из запретного сада. Как Геракл, который тоже яблоки воровал. Костя в своём третьем классе был самым маленьким, то есть мог пролезть в любую щель монастырского забора, а значит, и до яблок добрался первым.

Или весеннее катание по знаменитой на весь Новгород-Северский луже, такой же, какую когда-то описал Гоголь в повести «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Лужа тоже разливалась у монастырской ограды. Это было очень удобно. Из досок этой ограды, длинных и ровных, получались замечательные плоты, которые легко выдерживали вес мальчишек. А Костя опять же был самым маленьким, значит лёгким. Кому как не Косте, самому маленькому и лёгкому, доверялось первым ступить на палубу такого наспех связанного «судна»! Ох, и сердились же монахи, бегая вокруг водоёма за отважными мореплавателями! Да разве их поймаешь!

Скорей всего, это был такой местный ритуал: поколение за поколением школяров школьничает, насельники монастыря сердятся и ловят мальчишек, но никогда серьёзно не наказывают.

Директором этой удивительной гимназии в то время был Илья Фёдорович Тимковский. Педагог по призванию, в прошлом довольно известный учёный, он прививал гимназистам уважение и любовь к науке, и

был в гимназии первым лицом не только потому, что был директором, а по нравственному влиянию на учащихся.

В первой половине XIX века системы образования в нашем понимании в России ещё не сложилось. Гимназия не могла дать солидных знаний, но нравственное воздействием на учащихся приводило к тому, что в них пробуждалась сознательная потребность в самообучении, стремление к учению. И то, что они узнавали из разных областей науки, усваивалось ими не только разумом, но и сердцем. Именно это стало в дальнейшем основным педагогически принципом Ушинского.

Костя Ушинский не отличался особенным прилежанием, поэтому и блестящих успехов не было, однако и того, что он знал, позволяло ему переходить из класса в класс.

Всё свободное время он посвящал чтению и прогулкам. Читал он всё без разбору. Приключения, исторические повести, описание путешествий.… Ах, как славно было сидеть на высоком берегу Десны и мечтать. Однако это не были пустые грёзы, которые тот же Гоголь называл бы маниловщиной. Это была глубокая работа над собой, гимнастика ума, выработка мировоззрения. И никто в эту работу грубо и бестактно не вмешивался.

Однако когда пришло время выпускных испытаний, наш герой экзамен не выдержал и аттестата не получил. Это был первый ощутимый жизненный щелчок для юного Ушинского. Однако это не отбило у него желание учиться дальше, ведь это желание, а также вера в себя были в нём уже воспитаны гимназией. К счастью, аттестат об окончании гимназии в ту пору для поступления в университет не требовался. Ушинский с жаром принялся навёрстывать упущенное, и экзамены в Московский университет выдержал успешно, став студентом юридического университета одновременно со своими ровесниками, ведь он поступил, как мы помним, сразу в третий класс гимназии.

Вот такое детство было у человека, который заложил основы научной педагогики. Счастливое, вольное и совершенно не скучное. Именно отсюда, думается, берёт своё начало убеждённость Ушинского, что педагогика должна быть человечна и человеческой, что это не свод правил, не наука, а скорее искусство, что учить и воспитывать следует не столько через ум, сколько через сердце.

©Сычева Любовь Евгеньевна, главный библиотекарь